Обречённые выживать

Известно, что, когда человека начинают мучить воспоминания - наступает старость. Всё чаще и чаще я возвращаюсь во сне в деревеньку из 18 дворов, разбросанных с двух сторон по буграм живописного пруда, на самом краю Васюганских болот в Томской области. Назвали её Ново-Андреевкой, а ранее - Андреевские хутора в Кривошеинском районе.

Образовали хутора в период Столыпинской реформы, когда поселенцам в Сибири нарезали земельные наделы. После образования колхозов крестьянам опять пришлось строиться, теперь более кучно. Стали ставить они свои избы по краю оврага, где жил крестьянин Андреев. Убрали со дна оврага лес, соорудили плотину, и получился великолепный пруд, гладь которого в тихую безветренную погоду отражала зелёный берег с крестьянскими избами, глазищами окон, любующихся собой. И назвали деревеньку по фамилии первожителя, поставив впереди слово «Ново».

Впрочем, я этого не помню. Это было до меня.

…Зимой тридцать восьмого года, когда два человека в синих шинелях увели из дома отца, на руках моей двадцатилетней матери остались бабушка шестидесяти лет, дядя и тётя инвалиды, сестрёнка четырёх месяцев и двухлетний я. А летом сорок третьего из большой семьи остались двое: мать и я. Об отце мы ничего не знали, пока много лет спустя ни начали писать запросы, чтобы установить его невиновность и получить свидетельство о смерти. Первую справку мы получили в 95-ом году. В ней значилось, что отец «погиб в дальних лагерях в 1943 году». И только в ответе Федеральной службы Контрразведки РФ по Томской области 27 марта 1995 года значилось: «12 апреля 1938 года постановлением НКВД СССР Вутын П.Ф. приговорён к расстрелу. 22 мая 1938 года приговор приведён в исполнение в г. Колпашево». И ещё одни справка: «Дело по обвинению Вутына П.Ф. пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 марта 1957 года. Постановление от 12 марта 1938 года в отношении Вутына П.Ф. отменено, и дело за отсутствием состава преступления прекращено». Вот и для чего такая ложь!...

Где-то далеко от Сибири грохотала война, эхом слёз отдавалась по всей необъятной Родине. Всё, что добывала маленькая деревенька трудом женщин и детей, отдавалось фронту. Сами питались крапивой, гнилой картошкой да хлебом, выпеченным из выращенного на северных землях зерна, выдаваемого по 150 граммов на трудодень.

Основная рабочая сила колхоза им. Ворошилова состояла из 8 девушек и женщин, а ещё 5 подростков до 17 лет и 19-летнего парня, не взятого в армию из-за необходимости работать в деревне на тракторе, детишек семи-восьми лет, пяти бабок и двух дедов. Правда, в войну население пополнилось ещё двумя семьями из сосланных молдован.

Работать в колхозе мы начинали в семь лет. Здесь были коровы, лошади, куры, пасека. Землю пахали подростки на лошадях и трактором СХТЗ. Была тогда такая чудо-машина, гордость страны Советов. Если трактор, грешным делом, буксовал, то вытаскивать ходили всей деревней. Пацаны считали за счастье, если тракторист Иосиф Шимановский разрешал нам взобраться на площадку и проехать по полю пару кругов.

Лето было золотым периодом. Предоставленные самим себе, целыми днями купались в пруду. Из глины по склону сооружали нечто вроде горки и на пятой точке, нагишом по смоченной водой глине, развивая приличную скорость, плюхались в мутную тёплую воду. А с утра, до жаркого солнышка, ходили по холмам, собирая землянику, заячий горох, крапиву, обеспечивая себя и родителей подножным кормом.

Что такое присмотр за нами, мы не знали. О детских садах и слуха не было. Игрушками были чурочки, колодочки, палочки, которые силой детского воображения и фантазии превращались во дворцы, пароходы, тракторы, лошадей и вообще что угодно.

Лет с семи-восьми мы приобщались к настоящему крестьянскому труду. Мальчишек брали на покос возить на лошадях копны. На лошадь надевали хомут с привязанной с одной стороны длиннющей верёвкой. Нас сажали на лошадь верхом, и мы должны были объезжать свежесложенную копну так, чтобы верёвка с трёх сторон обхватывала её. Второй конец привязывался к другой стороне хомута. Получалась волокуша. От нас требовалось довезти копёшку сухой душистой травы к месту, где складывался стог, и не развалить её.

[illegible] что седока и лошадь безжалостно грызли пауты. Они с бешеной скоростью пикировали сверху и с яростью вонзали свои зубища в потные тела лошади и седока. Лошадь билась, брыкалась. Перекинутая через костистый хребет худосочной клячи телогрейка сваливалась на землю, и приходилось, сидя на острых хрящах, делать несколько рейсов. Вся мягкая часть тела, предназначенная для сидения, после недели такой работы становилась одной сплошной болячкой. Каждый шаг вызывал большое желание заплакать. Только гордость маленького, но трудового человека удерживала от этого.

В период уборки урожая собирали колоски, которые сдавали в колхоз, и ещё копали картошку, насколько хватало наших детских силёнок. Взрослые во время уборки урожая почти не приходили домой. Днём жали серпами хлеб, ночами скирдовали, складывая снопы в большие продолговатые стога.

Обмолачивали молотилкой, которая была одна на четыре или пять деревень. Когда её выделяли нашему колхозу на какое-то время, то она работала сутками. Тёмными ночами работали при свете от сжигаемой соломы. Подача снопов в барабан молотилки велась вручную, и были случаи, когда руки попадали в механизм, и человек становился калекой. Каждый работающий получал 400 граммов печёного хлеба в день, а дети и старики - по 200. Но каким вкусным казался тогда хлеб из выращенного на наших полях зерна...

На ведение подсобного хозяйства времени не было. В памяти осталась картинка: мать ночью, при луне стребает скошенную траву и складывает её в копну, а я утрамбовываю её, чтобы не промочил дождь. Сколько мне тогда было? Пять или больше? Не помню. Мы были самыми маленькими людьми нашей деревеньки. После нас уже никто в ней не родился.

Полными семьями были только две семьи стариков. И ещё семья вернувшегося с фронта председателя. Привёз он с войны трофейные часы, губную гармошку, много платьев и одеял. Вскоре вернулся и его сын Пётр. Этот ничего не привёз. Он, наоборот, оставил там ногу. Получив протез, стал работать наравне со всеми.

У нас, детей войны, была своя жизнь. Мы тщательно обшаривали перелески в округе, собирая всё съедобное: грибы, ягоды, травы. А однажды мне повезло: я наткнулся в конце пруда на неглубокую ямку с водой, в которой плавали щурята сантиметров по двадцать. Они [illegible] и в руки проламутил воду, они поднимали вверх головы подышать воздухом, и я их свободно переловил.

Добыча пропитания для нас начиналась с самой весны, как только оттаивали огороды. Подвязав верёвочками кое-какую обувь, а вернее подошвы от неё, мы уходили собирать гнилую картошку, из которой взрослые по известной им технологии выпекали лепёшки. Рваная обувь свободно пропускала холод, воду и грязь. Земля оттаивала сантиметров на 8-10, так что приходилось ходить по мерзлоте. До сих пор не проходит ощущение холода на подошвах ног. А когда земля подсыхала, мы все бегали босиком. Правда, эта благодать имела свои последствия. Кожа ног под воздействием грязи, воды и ветра имела привычку покрываться болящими трещинами и вызывала взрыв отрицательных эмоций. Но ничто не бывает вечным, даже боль, и наступившее солнечное утро вновь собирало нас вместе.

Никто из нас не думал тогда, почему мы так живём, и никто из нас ничего лучшего не требовал, потому что лучшего мы не видели и не знали, что оно существует.

Об электричестве, радио, телевидении тогда понятия не имели. Вся информация исходила из конторы колхоза, куда новости привозили из райцентра уполномоченные, председатель или счетовод. Счетоводом был Ваня Башкиров, семнадцатилетний подросток, славный паренёк, деревенский грамотей. Благодаря ему шла кое-какая периодика: районная газета, агрономические плакаты и толстый журнал с красным занавесом на обложке – «Молодёжная эстрада». А поскольку у нас в доме квартировала контора, то это были мои первые учебники, по которым я учился читать.

В школу я пошёл поздно. Она находилась в большой деревне Белосток, километра три зимой - через болото, а весной - в обход не менее пяти. Первый букварь я получил в восемь лет и до школы выучил его наизусть.

Была в деревне и своя культурная жизнь. В зимние тёмные вечера молодёжь собиралась у нас. Располагались на полу. Кто-нибудь рассказывал содержание прочитанной книги. Подобные рассказы иногда длились неделями. Так я впервые услышал «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и «Тихий Дон» М. Шолохова.

Подросток Сергей Чубаров из осины смастерил балалайку, самостоятельно научился играть, и под неё девчата и парни наяривали частушки, большей частью собственного сочинения.

Напротив нашего дома был конный двор. Небольшой амбар приспособили под хомутальку (хранилась конская сбруя). Иногда подростки собирались там. Нас, поскольку мы были маленькими, туда не пускали. Но однажды пригласили, посадили в угол, а сами стали приносить какие-то тексты. Так впервые я встретился с самодеятельным театром.

Но больше всего любил ходить к Стасику Лютому. Он немного рисовал, а главное, показывал несколько газет «Пионерская правда», где были напечатаны его небольшие рассказы о жизни птиц и животных, а также составленные им ребусы.

Неизгладимой в памяти осталась песня. Она была простой, открытой и трепетной, как сама истомлённая душа. Пели наработавшиеся за день девушки и женщины, возвращаясь вечером с покоса домой. Солнце закатилось, а вечерняя заря, меняя окраску неба, отражалась в тихой глади пруда. Душевные, чарующие звуки как бы зависали над прудом, гармонично вписываясь в эту объёмную цветную естественную декорацию, до того трогая детскую душу, что хотелось сразу петь и плакать от восхищения.

Сейчас, когда некоторые начинают рассуждать о гибели культуры, мне всегда приходит на память моя бедная, исстрадавшаяся деревенька с её способнейшими и безгранично честными, добрыми людьми, достойными лучшей участи. С их искорёженными и изуродованными судьбами, но с душами, трепетно сохраняющими и сберегающими всё лучшее, что было и есть в человеке.

Деревня жила трудно, и трагедии не обходили нас стороной. Утонул в пруду соседней деревни возвращавшийся из райцентра Ваня Башкиров. Он заснул на телеге, а лошадь сошла с плотины, и воз опрокинулся. Умер Вася Латыголец, младший сын председателя. По весне от простуды умер Орест Апостолаки, лучший и преданный мой друг. Стоя в ледяной воде, мы ловили в пруду гальянов. Он - южанин, оказался менее закалённым. А я больше месяца пролежал в постели. Помню, как мать поздними вечерами доставала из сундука икону Божьей Матери и, стоя на коленях, страстно молилась о моём спасении. Может быть, молитвы матери дошли до Бога, так как я медленно стал поправляться…

Спустя двадцать лет с матерью мы пришли на место моего рождения. Деревни не было. Не было и её следов. Видно, бульдозерами прошлись хорошенько, прежде чем вспахать и засеять. Но стереть в памяти прошлое невозможно. Оно было. Оно сохранилось и острым тяжёлым камнем лежит, где-то затаившись в сознании, а по ночам больно-больно давит и саднит в самой глубине груди.

Пруд ещё был. На бугре за ним отыскали заброшенное кладбище. К нему вплотную подходило вспаханное поле. Помянули мы с матерью, как смогли, всех похороненных на этом кладбище. Простились, низко поклонившись, со своей горькой малой родиной и с огромным горьким камнем в сердце покинули давшую нам некогда жизнь землю. Теперь уже навсегда...

Много мне пришлось поездить по стране: от Сахалина до Калининграда. Видел я чудесные места, чарующие своей сказочной красотой. Но где-то далеко-далеко в душе опять вспоминалась моя скромная родная деревенька на краю Васюганских болот. Неприхотливая местность. Вспоминалось то, что я впервые услышал, впервые увидел, впервые узнал. Всё, что было впервые записано на чистую ленту памяти, которая навсегда осталась эталоном, той меркой, по которой я сверял поступки, действия, анализировал и оценивал жизнь…

Николай Вутын.